

Олег КУЗНЕЦОВ

*Кандидат исторических наук,
доцент, проректор по научной работе
Высшей школы социально-управленческого консалтинга
(института)
(Москва, Российская Федерация).*

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Р е з ю м е

В статье на основе комплекса обобщающих исторических и историко-политологических исследований последнего времени и материалов историо-графических обзоров и исследований имперского и советского периодов излагается авторская концепция эволюционной трансформации содержания российских геополитических интересов в Закавказье. Эволюция эта сопряжена с поэтапным изменением военно-стратегических и политико-идеологических (в том числе и религиозных) взглядов российской элиты на территории Центрального и части Южного Кавказа. Понимание факта изменений в прошлом и настоящем и того, что эти изменения имеют определенный вектор, позволяет говорить о наличии логики и последовательности в дей-

ствиях российского высшего политического руководства в отношении не только суверенных стран, но и иных территорий Закавказья.

Исследование базируется на анализе процессов последних двух столетий, а не десятилетий, что освобождает его от влияния сиюминутной политической конъюнктуры, склонностью к которой отличаются многие современные политологи, наивно видящие в обретении странами Центрального Кавказа государственной независимости утрату Россией своего традиционного геополитического присутствия в Закавказье. Пересмотр современной Россией своих геополитических приоритетов в Закавказье будет означать лишь усиление и последующее нарастание присутствия и влияния России в

утраченных в 1990-х годах территориях, причем возможности избежать этого ни у региональных элит, ни у других центров силы в ближайшей перспективе не будет. По сути, мы можем говорить только о трансформации формы

геополитического доминирования России в Закавказье с военно-государственной на экономическую, но не о потере реального влияния на местные элиты, электоральные предпочтения местного населения и экономику.

В в е д е н и е

Начнем с нескольких принципиальных, на наш взгляд, оговорок.

- Во-первых, здесь и далее термином «Россия» мы будем именовать обобщенную совокупность государственных образований, существовавших в разные периоды времени как на территории современной Российской Федерации, так и на иных территориях, входивших до 1 февраля 1918 года в состав Российского государства. Иными словами, данный термин используется нами исключительно с политологической, но не государственно-правовой точки зрения, как более удобное обозначение того мирового или континентально-евразийского центра силы и геополитического влияния, каковым сегодня является Российская Федерация и какими были предшествующие ей государственно-политические образования — Союз ССР и Российская империя.

Вполне очевидно, что между этими государствами, несмотря на всю разницу и противоречие господствовавших в них в разное время государственных идеологий, на протяжении более двух столетий прослеживается стратегическая преемственность геополитических интересов, приоритетов и амбиций, и в этом смысле современная Российская Федерация является полноценной наследницей и Советского Союза, и Российской империи. Но это и неудивительно, поскольку логика сохранения внешней стабильности для столь масштабного государства, каким является Россия, диктует обязательную преемственность внешнеполитического курса — изменение его (равно как и геополитических приоритетов) сегодня если и возможно, то лишь эволюционным путем, с учетом стратегических интересов стран-соседей.

- Во-вторых, термином «Закавказье» мы будем именовать совокупность территорий современного Центрального и Южного Кавказа (в методологии, предложенной Э. Исмаиловым), ранее входивших в состав Российской империи, к числу которых относятся как территории суверенных государств Азербайджана, Армении и Грузии, так и частично признанных государств Абхазии и Южной Осетии, самопровозглашенной «Нагорно-Карабахской Республики», а также исторические области Артвина и Карса, вновь отошедшие к Турецкой Республике в результате ее Войны за независимость 1919—1923 годов. В этом смысле термин «Закавказье» также имеет исключительно политологический, а не регионаловедческий контекст и используется нами как совокупное обозначение территорий Центрального и Южного Кавказа, синонимичное принятому у современных азербайджанских и грузинских политологов¹. Поэтому для политологических оценок мы будем использовать термин «Закавказье», а для рассмотрения вопросов регионалистики — соответственно «Центральный Кавказ» и «Южный Кавказ».

¹ См.: Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007.

Претензии России на геополитическую гегемонию в «славянской» Европе

Регион Закавказья, включающий в себя территории Центрального и Южного Кавказа, является наглядным примером возможности не только трансформационных изменений вектора российских геополитических интересов в этой части мира, но и поэтапной практической эволюции содержания реальной внешней политики России. По существу, сегодня мы можем говорить, что Россия завершает стремительную с точки зрения истории мировой цивилизации и дипломатии, но неспешную, с точки зрения обывателя, смену полярности своих приоритетов в Закавказском регионе. В свою очередь, это объективно требовало и требует от российского политического истеблишмента не только преодолеть существовавшие на протяжении веков идеологические стереотипы, но и сформулировать взамен их принципиально новые политико-идеологические императивы, обнаружение которых, правда, откладывается на неопределенное время в силу неготовности к этому как российского общества, так и международного сообщества в целом. Поэтому мы можем только предполагать наличие подобного «сдвига парадигмы» в процессе переосмысления внешнеполитических приоритетов России на пространстве Центрального и Южного Кавказа, приводя в пользу своей точки зрения определенные фактологические и логические аргументы.

Претензии России на весь регион Кавказа, и Закавказье в частности, оформились в идеологическом и военно-политическом плане в последней четверти XVIII столетия. В это время в системе внешнеполитических устремлений Российской империи стал доминировать так называемый «греческий проект», разработанный канцлером графом А.А. Безбородко по поручению императрицы Екатерины II². Масштабный «греческий проект» предполагал два направления реализации — военно-стратегическое и идеологическое. В совокупности оба они на многие десятилетия и даже столетия предопределили вектор «южного направления» российской внешней политики, в которой Южному Кавказу отводилась существенная, хотя и не первостепенная роль.

Присоединение Крымского полуострова и всех континентальных территорий Крымского ханства в Северном Причерноморье к России, окончательно завершившееся в 1783 году, не только обеспечило стратегическую безопасность южных границ империи фактом выхода к естественным рубежам — Черному морю и Днестру, но и стало началом осуществления далекоидущих замыслов Екатерины II. К этому времени у российской императрицы было уже два внука — Александр и Константин Павловичи, первого из которых она, в обход династических прав своего сына — великого князя Павла Петровича, готовила к российскому престолу, а второму прочила греческий королевский престол, хотя территорией Греции тогда владела Османская империя. Даже само имя Константин было дано ему неслучайно, — так звался последний император из рода Палеологов, на дочери которого был женат великий князь Московский Иван III. Кормилицей Константина Павловича была гречанка Елена, научившая его свободно говорить по-гречески. В это время при дворе Екатерины II появляется и целенаправленно распространяется мода на греческую культуру, в переписке императрицы с Вольтером обсуждается вопрос о возрождении в странах Европы греческой культуры и возможности восстановления греческого государства со столицей именно в Константинополе (Стамбуле), в том числе и воо-

² См.: *Парсамов В.С.* История России: XVIII — начало XX в. М.: Академия, 2007. С. 156.

³ См.: *Мирзаханов В.С.* Идеология и дипломатия России в эпоху Екатерины II: историография последних десятилетий. В кн.: Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией: Мате-

руженным путем при непосредственном участии российской армии и флота³. В «славяно-православной» Реконкисте — отвоевании Балканского полуострова у Османской империи и восстановлении существовавшей там прежде Византии, или Восточной Римской империи, но уже следующей в фарватере российской внешней политики, и заключалось военно-стратегическое направление столь любезного сердцу императрицы «греческого проекта».

Столь полномасштабная военно-политическая экспансия России на Юг (опять же в политологическом контексте этого термина) объективно требовала идеологического обоснования и обеспечения, причем в глазах не столько европейской общественности, сколько самого российского общества, не желавшего продолжения и тем более эскалации российско-османского вооруженного противостояния после того, как присоединение Крымского ханства уже обеспечило безопасность южных границ России. Для этих целей была задействована сформулированная еще в XVI веке политико-религиозная концепция правопреемства Византийской и Российской империй, более известная под названием «Москва — Третий Рим» (имеется в виду последовательная смена центров сначала общехристианской, а затем — православной цивилизации: Рим — Константинополь — Москва). Проводником этой идеи в сознание всех слоев и сословий российского общества стала Русская Православная Церковь, объективно выполнявшая в то время социально-политическую функцию средств массовой информации. Таким образом, в геополитический «греческий проект» помимо военно-стратегической составляющей его авторами было вложено еще несколько культурных и политических смыслов.

Прежде всего с восстановлением Константинополя как православного государственного и духовного центра связывалась идея религиозного реванша: «исконная» православная столица должна была быть отвоевана у «неверных» и восстановлена в своем прежнем религиозно-культурном или цивилизационном значении. Кроме того, движение России на Юг, освоение «дикого», с точки зрения европейской ментальности, причерноморского пространства мыслилось как наступление «цивилизации» на «варварство». В этом вопросе Екатерина II выступала одновременно и как прямая продолжательница дела первого российского императора Петра I, и как соперница его в политической истории России. Если Петр I, по общему мнению представителей просвещенной части российского общества того времени, толкал «варварскую» Россию навстречу цивилизованному Западу, то Екатерина II во главе уже «цивилизованной» России двигалась на «варварский» Восток и Юг, неся туда идею культурного прогресса⁴. По сути, в последней четверти XVIII столетия при императрице Екатерине II Россия явилась инициатором очередного, уже десятого или одиннадцатого по счету, «крестового похода» европейцев против мусульман Передней Азии и Ближнего Востока — но на этот раз уже не под католическими, а под сугубо православными лозунгами и хоругвями.

В «классической» российской исторической науке существует представление, что «греческий проект» графа А.А. Безбородко был всего лишь очередной пропагандистско-идеологической уловкой Екатерины II, предназначенной, так сказать, «для внешнего употребления». На деле же речь шла лишь о том, чтобы, прикрываясь благородной идеей, отрезать вооруженной рукой от Османской империи побольше сопредельных территорий. Но вряд ли такое представление адекватно реалиям и ментальности того времени. Императрица вынашивала более грандиозный замысел политического, социального и культурного преобразования пространства на оси «Север — Юг». Суть его заключалась в том, что Византия, как наследница греческой культуры, принесла истинную веру и про-

риалы международного симпозиума, Стамбул, 5 апреля 2012 г. / Сост. О.Ю. Кузнецов. М.: Турецко-русский культурный центр, 2012. С. 34.

⁴ См.: *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683—1914. М.: Индрик, 2010. С. 78—79.

свещение на Русь, правопреемницей которой в государственном и религиозном отношении и считалась Российская империя. Таким образом, Россией от Византии была подхвачена эстафета культурных и религиозных ценностей, сохраненных и приумноженных Россией на протяжении веков, в то время как сама Византия пала под напором тюрок-сельджуков и османов. Россия, сохранившая и приумножившая духовные ценности православной государственности, полученные от Византии, в том числе и в результате династического брака (что было типичным для того времени юридическим и идеологическим обоснованием государственно-правовой и религиозно-культурной преемственности двух стран), теперь готова вернуть ей долг путем восстановления независимого греческого государства. Константинополь же, по мнению Екатерины II и канцлера А.А. Безбородко, должен был стать, как и прежде, центром православия, преемницей и хранительницей которого на протяжении трех столетий являлась Россия, и классической культуры. А это, в свою очередь, меняло и вектор развития российской цивилизации: теперь он был направлен не на северо-запад, как при Петре I, а на юг. Следовательно, туда же перемещался и центр геополитических интересов России.

Идея государственно-религиозного мессианства в XVIII веке в равной степени была свойственна как православным славянам, этническое ядро которых составляли русские, так и представителям многочисленных тюркских народов, исповедовавших ислам и населявших Османскую империю, государствообразующим этносом которой считались османы. Религиозная жизнь и в России, и в Османской империи XVIII столетия была полностью секуляризирована, то есть подчинена в административном плане государству. Де-юре в то время в России самостоятельной (автокефальной) Русской Православной Церкви не существовало, поскольку с 1716 года она считалась государственным ведомством (Святейший Правительствующий Синод) или особым Духовным ведомством (приказом), а ее главой являлся не патриарх (в сегодняшних реалиях), а император, сочетавший в своем лице высшую светскую (административно-государственную) и духовную (церковно-религиозную) власть, что в терминологии исторической науки получило название «абсолютизма». Поэтому в России имперского периода любая идеологическая церковно-религиозная доктрина автоматически становилась контекстом внешней политики. В Османской империи также султан одновременно являлся и халифом — духовным главой всех правоверных мусульман, независимо от места их проживания. По сути, в своем государственно-политическом устройстве Россия и Османская империя в последней четверти XVIII века практически ничем не различались между собой (обе были «классическими» абсолютными монархиями). При этом Россия стремилась к геополитической гегемонии в славяно-православной, а Османская империя — в арабско-тюрко-исламской ойкумене, причем их претензии на верховенство распространялись отнюдь не на одну только духовную сферу.

Православные христиане еще со времен Византии проживали в ряде областей Юго-Восточной Европы — на территории современных Молдавии, Болгарии, Румынии, Греции, Македонии, Сербии и других стран, входивших тогда в состав Османской империи под собственными, несколько иными, по сравнению с современными, названиями, и подчинялись в духовном отношении константинопольскому патриарху, а не российскому Синоду. Мусульмане традиционно проживали в регионах Среднего и Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, входивших в состав России, а потому османские власти, исходя из собственного политико-правового понимания ислама, претендовали не только на религиозное, но и на административное верховенство над ними. Чтобы пресечь подобные претензии османского султана России потребовалось вести ряд войн против османов и включить в текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 10 (21) июля 1774 года отдельный артикул (статью), где в качестве специальной юридической нормы международного права был особо закреплен отказ турецкого султана от административно-политического руководства татарами крымскими, кубанскими, астраханскими, казанскими,

волжскими, а также ногайцами, черкесами и другими мусульманскими народами России, которые, правда, некоторое время продолжали оставаться в его ведении «по делам вероисповедным» и окончательно обрели автономию в духовных вопросах только в соответствии с российско-турецким соглашением от 28 декабря 1783 года, юридически закрепившим окончательный переход земель и населения бывшего Крымского ханства и Таманского полуострова в состав Российской империи. Поэтому можно утверждать, что все войны между Россией и Османской империей в XVIII были не только вооруженной борьбой за спорные сопредельные территории или торгово-экономические преференции, но и несли на себе отпечаток борьбы за религиозное доминирование и идеологическое господство в регионе Черного моря, Балкан и Кавказа.

Как видим, в последние десятилетия XVIII века, с началом реализации российским государством «греческого проекта», Российская и Османская империи вынужденно вступили в полосу не столько военно-стратегического противостояния, сколько жесткого идеологического противоборства, основанного на религиозном мессианстве каждой из сторон. Именно поэтому их геополитическое соперничество в Черноморско-Кавказском регионе имело столь острый и затяжной характер. И действительно, если взглянуть на историю развития российско-османских или осmano-российских отношений непредвзято, то влияние «греческого проекта» императрицы Екатерины II на последующую историю взаимоотношений этих двух стран можно проследить вплоть до событий Первой мировой войны 1914—1918 годов. Поэтому не следует удивляться, что данное противостояние приобрело всеобъемлющий характер и, начавшись в Северном Причерноморье, вскоре распространилось на регион Кавказа, а затем — на Балканский полуостров и Закавказье, которое сегодня принято называть Центральным и Южным Кавказом.

Кавказ в орбите геополитических интересов России

Регионы Центрального и Южного Кавказа попали в сферу геополитических интересов Российской империи, сосредоточившей основные усилия на реализации «греческого проекта», в определенной степени случайно: там с переменным успехом боролись между собой за доминирование Персидское шахство и Османская империя, чье соперничество не выходило за границы сопредельных областей. В начале своей геополитической экспансии на Балканы Россия и не помышляла об открытии «второго фронта» против Османской империи на Кавказе или в Закавказье, — для этого у нее не было ни сил, ни средств, ни ресурсов. Свой взор на этот регион она обратила скорее вынужденно, под воздействием внешних и не зависящих от нее обстоятельств: в 1768 году за военной помощью против османов к России обратился правитель грузинских княжеств Картли и Кахети Ираклий II, чей предшественник Вахтанг VI заключил в 1722 году с российским императором Петром I союзнический договор. В 1768—1772 годах на территории современной Грузии действовал отряд русских войск под командованием генерал-поручика барона Г.К.Г. Тотлебена, прославившегося храбростью на полях сражений, беспринципностью, авантюризмом и интриганством в остальные периоды жизни. Его действия в Грузии, несмотря на ряд военных успехов (включая взятие Кутаиси и осаду Поти), не принесли России существенной политической выгоды, поскольку генерал успел не только поссориться с грузинским царем Ираклием II, но и предать его как перед османами в сражении при

Ахалцихе в апреле 1770 года, так и перед его конкурентами в борьбе за грузинский престол, встав на сторону последних⁵. Единственным геополитическим результатом экспедиции отряда генерала Тотлебена было то, что регион в военно-топографическом отношении стал известен русскому военному командованию. Полученные детальные сведения давали возможность планировать на этой территории проведение в будущем эвентуальных боевых операций. По сути, именно благодаря барону Тотлебену Центральный и Южный Кавказ попали в поле зрения России, хотя сразу и не превратились в зону ее геополитических интересов.

Во второй раз Закавказье в военно-политическом отношении привлекло внимание России спустя 10 лет, в 1782 году, когда между Картли и Кахети, с одной стороны, и Россией — с другой, начались переговоры об установлении российского военного протектората над этими землями, завершившиеся подписанием 24 июля (4 августа) 1783 года известного Георгиевского трактата. Не вдаваясь в анализ содержания этого документа, отметим, что исполнение этого договора обеими сторонами продолжалось всего 4 года, до 1787 года, а затем под османским давлением русские войска (2 батальона пехоты) из Восточной Грузии (Картли-Кахети) были выведены, хотя Россия и продолжала рассматривать эти земли в качестве своего вассального владения. Об этом свидетельствует приказ императрицы Екатерины II командующему Кубанским корпусом генерал-фельдмаршалу графу И.В. Гудовичу от 4 сентября 1795 года «подкрепить царя Ираклия, яко вассала Российского, против неприязненных на него покушений, положенными по трактату с ними двумя полными батальонами пехоты»⁶ для отражения похода на Тифлис (Тбилиси) войск персидского шаха Ага Мохаммед-хан Каджара, разрушившего грузинскую столицу 12 сентября (сам генерал Гудович получил приказ оказать военную помощь Ираклию II только 1 октября).

Установление военного протектората России над Восточной Грузией в 1783 году и ее последующее вхождение в 1801 году в состав империи обернулось для России чередой войн против двух стратегических противников на Кавказе — Османской империи и Персидского шахства. Положение России облегчали постоянные пограничные междоусобицы этих двух стран. В числе вооруженных конфликтов следует назвать несостоявшийся в полной мере в 1796 году поход сил русского Кубанского корпуса под командованием генерал-аншефа графа В.А. Зубова в Северный Азербайджан против войск персидского шаха, прерванный из-за смерти императрицы Екатерины II; русско-персидские войны 1805—1813 и 1826—1828 годов; русско-османские войны 1806—1812 и 1828—1829 годов. Именно при планировании и в ходе этих вооруженных конфликтов стали вырисовываться очертания и формулироваться содержание геополитических интересов и устремлений России в регионах Центрального и Южного Кавказа, поскольку государственные границы империи придвинулись к ним вплотную.

Основным поводом для возникновения всех упомянутых выше вооруженных конфликтов являлся вопрос неурегулированной границы на Кавказе между Россией, Персией и Османской империей и борьба за господство в феодальных государственно-территориальных образованиях Закавказья — различных махалах, шахствах, беглербекствах, ханствах и проч. В условиях объективного конфликта интересов между этими тремя центрами силы на Кавказе отправной точкой для преодоления существующих противоречий был избран религиозный суверенитет кавказских народов. В пользу этого утверждения свидетельствуют положения Ясского мирного договора от 29 декабря 1791 (9 января 1792) года между Россией и Османской империей, согласно которым граница между двумя государствами устанавливалась по реке Кубани, а христианские народы Кавказа —

⁵ См.: *Поммо В.А.* Кавказская война: В 5 тт. Т. 1. С древнейших времен до Ермолова. М.: Центрполиграф, 2006. С. 128—132.

⁶ Там же. С. 135.

осетины и восточные грузины и их земли признавались зоной геополитических интересов России⁷. Однако с таким размежеванием геополитических интересов на Кавказе оказались несогласны персидский шах Ага Мохаммед-хан Каджар, совершивший в 1795 и 1797 годах два похода в земли Картли-Кахети (христианской Восточной Грузии), и мусульманские народы Западной Грузии, продолжавшие набеги на Картли-Кахетию и Имеретию, что в итоге и подтолкнуло последнего самостоятельного царя грузинских земель Георгия XII искать не только военной, но и государственной защиты у России. Вопрос о политических и юридических аспектах вхождения Картли-Кахети в состав России хорошо изучен и известен⁸, и подробно останавливаться на нем мы не будем. Скажем только, что императорский Манифест о присоединении Грузии к России был официально зачитан в Сионском соборе в Тифлисе 12 апреля 1802 года, после чего Россия вплотную приблизилась к вопросу формулирования своих геополитических интересов и приоритетов в регионе Южного Кавказа.

Определение геополитических интересов России в Закавказье было обусловлено прежде всего фактором военно-стратегической безопасности вновь присоединенных земель, для чего было необходимо выйти на естественные границы Кавказа, по которым можно было бы организовать не только территориальное размежевание, но и эшелонированную оборону. Такими естественными рубежами могли быть только река Аракс на юге и река Чорох на западе. За выход на эти рубежи Россия в первой трети XIX столетия и провела ряд указанных выше наступательных войн. Именно в контексте этих и последовавших за ними вооруженных конфликтов между Российской и Османской империями, сопровождавшихся взаимными территориальными притязаниями, следует рассматривать место, роль и значение Центрального Кавказа в комплексе геополитических интересов России.

Прежде всего следует отметить, что Центральный Кавказ как самостоятельный субрегион и объект геополитического внимания появился на карте мира исключительно благодаря России. Формирование, юридическое оформление и последующее политологическое обособление его пространственной локализации осуществлялось путем вхождения все новых земель в состав России. Согласно Гюлистанскому от 12 (24) октября 1813 года и Туркманчайскому от 10 (22 февраля) 1828 года мирным договорам с Персией, а также Бухарестскому от 16 (28) мая 1812 года (вместе с Аккерманской конвенцией от 25 сентября (7 октября) 1826 г.), Адрианопольскому от 2 (14) сентября 1829 года мирным договорам с Османской империей, а также Берлинскому трактату от 1 (13) июля 1878 года, к России были присоединены земли Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Дербентского, Кубинского, Талышского, Нахичеванского, Эриванского ханств, все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале и Поти, а также османские пашалыки (провинции) Ахалцихе, Ахалкалаки, Батум, Карс, Ардаган, Артвин. Таким образом, с историко-правовой точки зрения, все эти земли должны быть включены в регион Центрального Кавказа и стать объектом комплексного изучения, поскольку все они находились под имперским влиянием России, определившим де-факто их последующую историческую судьбу.

По сути, мы можем говорить, что субъектами Центрально-Кавказского региона сегодня являются Российская Федерация, Турецкая Республика, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Грузия, а также непризнанные или частично признанные государственные образования — Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах. Однако по-

⁷ Подробное описание пути чрезвычайного и полномочного Российского Императорского Посольства, после Ясского мира, от Рушуга через Шумлу в Константинополь, в 1793 году. С военными замечаниями о земле, с показанием способа провесть и продовольствовать от 30-ти до 40-ка тысяч войска / Прим. Н.А. Осокина // Русская старина, 1878, № 1 (Т. 21). С. 100—124.

⁸ См.: *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. СПб: Тип. Монтвида, 1906.

литические элиты некоторых стран этого региона, а также, опосредованно, поддерживающие их мировые центры силы активно стремятся ослабить влияние на регион или даже полностью исключить из списка субъектов Центрального Кавказа Россию и Турцию, оставив в их числе только Азербайджан, Армению и Грузию.

Такой политологический подход к региону Центрального Кавказа априори неприемлем, поскольку не только игнорирует исторические реалии и традиции, но и отвергает историко-культурное наследие населяющих его народов в угоду амбициям отдельных групп местных политических элит и стоящих за ними международных финансово-промышленных кругов. Центральный Кавказ начиная со второй трети XIX столетия был и остается зоной геополитических не просто интересов, а приоритетов России, политика которой в отношении него на протяжении последних двух веков претерпела существенные трансформации, позволяющие сформулировать определенную тенденцию.

Регион Центрального Кавказа, в отличие от региона Юго-Восточной Европы, никогда не был областью религиозной экспансии России, так как было бы глупо опираться на христианство как основу своего политического господства на территориях с традиционно мусульманским населением. Те земли, в которых христианство было исторически распространено и где к началу XIX столетия уже сложились феодальные общественные отношения, практически безболезненно инкорпорировались в состав российского государства и общества. Ущерб при этом претерпели интересы лишь весьма немногих представителей правящей региональной элиты.

В отношении государственно-территориальных образований Закавказья с традиционно мусульманским населением переход в подданство Российской империи имел более сложную административную процедуру, но также был логически понятен: местные феодальные правители до конца своих дней сохраняли лично за собой прежний административный статус (правда, утрачивая при этом политический суверенитет), а их наследники, преемники и приближенные становились российскими дворянами со всеми имущественными и сословными привилегиями. По сути, переход под власть России в областях Южного Кавказа никак не изменил традиционного для них характера социально-имущественных и административно-хозяйственных отношений, а поэтому основной массой населения был встречен индифферентно.

Ярким свидетельством тому может служить почти безразличное отношение новых русских властей к торговле «ясырем» — «живым товаром» из числа местных мусульман даже за пределы Российской империи (особенно девушками и молодыми женщинами в турецкие гаремы). Внутри вновь присоединенных районов империи торговля ясырем осуществлялась свободно в пределах мусульманских сельских обществ, а факт совершения покупки или продажи ясырей (рабов, холопов) заверялся специальными актами у российских приставов с уплатой пошлины в государственную казну⁹. Следует отметить, что этот порядок был абсолютно идентичным тому, какой существовал в «христианской» части России в отношении крепостных крестьян, а потому уклад жизни основной массы местных жителей Кавказа и Европейской России мало чем отличался. Все это дает основания совершенно определено говорить, что на пути российской колонизации Кавказа не существовало никаких социально-экономических препятствий.

В первые десятилетия российской колонизации Кавказа со стороны местного мусульманского населения не было и политико-религиозных препятствий этому процессу. Так, в разгар русско-турецкой войны 1828—1829 годов во вновь присоединенных землях современного Азербайджана были успешно сформированы четыре конно-мусульманских полка (по 720 всадников в каждом) и особый конный дивизион под названием Конни-

⁹ Емельянова Н.М., Экзиков М.Х. Торговые и культурные связи Российской, Османской империй и народов Кавказа в первой половине XIX века. В кн.: Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией. С. 45—47.

ца Кянгерлы, действовавшие в составе русского Отдельного Кавказского корпуса. И в боях на территории Восточной Анатолии против своих единоверцев-османов они отличились даже больше частей регулярной русской армии¹⁰. После окончания войны даже рассматривался вопрос о формировании на территории, которую сегодня принято именовать Южным Кавказом, особого Закавказского мусульманского казачьего войска. План этот не был реализован в полной мере только в силу необходимости задействовать ранее выделенные на то силы и средства для подавления Польского восстания 1830—1831 годов¹¹. Окончательно об этом проекте забыли в 1840-х годах, когда в Дагестане и Чечне полыхало восстание горских народов во главе с имамом Шамилем. Из всего сказанного можно сделать вывод: в многонациональной и поликонфессиональной России вопрос о вероисповедании ее подданных вставал только тогда, когда те своими противоправными действиями нарушали установленный порядок вещей.

«Армянский вопрос» как инструмент российской геополитики на Кавказе

В российской колонизации Центрального Кавказа присутствовал только один аспект, имевший ярко выраженную религиозно-конфессиональную окраску. Речь идет о так называемом «армянском вопросе», который резко диссонировал со всей политикой России в Закавказье, кардинально нарушая логику формирования российской геополитики в регионе. Следует оговориться, что мы рассматриваем его именно как религиозно-конфессиональный, а не национальный, поскольку в России до февраля 1914 года, когда был принят закон о свободе вероисповедания, понятия «национальность» как элемента формально-правовой характеристики личности не существовало, и его в известной мере заменяла конфессиональная принадлежность. Поэтому с правовой точки зрения «армянского вопроса» в России никогда не существовало и не могло существовать в принципе, а для обозначения этой проблемы более корректным будет использование дефиниции «армяно-григорианского вопроса».

Армяно-григорианское вероисповедание, являвшееся в Российской империи социально-правовым атрибутом армянского этноса, ошибочно воспринималось светскими представителями государственно-политического истеблишмента как канонически родственное православию в силу схожести ритуальной обрядовости и атрибутики. Не вдаваясь подробно в вопросы богословской догматики, напомним только, что Армянская Апостольская Церковь относится к группе Древневосточных православных церквей, в IV Вселенском Соборе не участвовала и постановлений его не приняла, а поэтому в своей догматике основывается на постановлениях только первых трех Вселенских Соборов и придерживается дохалкидонской христологии святителя Кирилла Александрийского, исповедовавшего «Единую природу Бога Слова воплощенного» (миафизитство). От православной догматики армяно-григорианское учение отличается отрицанием Св. Троицы, что сближает ее адептов с исповедниками иудаизма и последователями различных псевдо-христианских сект «жидовствующих» — духоборов, молокан и проч. Поэтому с точки зрения современного христианского богословия (как католического, так и православно-го или даже протестантского) армяно-григориане не могут считаться христианами в пол-

¹⁰ См.: Утверждение русского владычества на Кавказе: К 100-летию присоединения Грузии к России: В 5 тт. / Под ред. В.А. Потто. Т. 4 (ч. 2). Тифлис, 1909. С. 415—416.

¹¹ См.: *Нагдалиев Ф.Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской империи. М.: Новый аргумент, 2006. С. 93—98.

ном смысле этого слова, но русские военно-административные власти на Кавказе не придавали догматическим особенностям этого вероисповедания особого внимания, видя в его последователях союзников в реализации своих военно-политических планов и амбиций в регионе Южного Кавказа. Фактически мы можем уверенно утверждать, что «армянский вопрос» уже во второй четверти XIX столетия стал стержнем российской геополитики в Закавказье и продолжал им оставаться на протяжении без малого двух столетий, вплоть до начала XXI века.

Отторжение Россией от Персии и Османской империи территории Центрального Кавказа и закрепление ее за собой на протяжении нескольких десятилетий сопровождалось активной переселенческой политикой российского государства в отношении армяно-григориан, целенаправленно выводимых на вновь присоединенные к России закавказские земли из Персии и Османской империи, о чем в Туркманчайском мирном договоре с Персией и Адрианопольском мирном договоре с Блистательной Портой имелись специальные статьи. Переселение армян в Закавказье носило массовый характер: по вполне официальным российским данным, только за осень 1829 — весну 1830 года в Россию из Османской империи было переселено до 15 тыс. армянских семей, что составляло от 90 до 100 тыс. человек. И это были только переселенцы из пашалыков (районов) Эрзерума и Карса¹². Приблизительно столько же армян двумя годами раньше переселилось в российское Закавказье из Персии, а еще около 30 тыс. — из района Трабзона. Фактически за три неполных года армянское население Южного Кавказа увеличилось на треть миллиона человек. И столь одномоментное массовое переселение, санкционированное, организованное и финансируемое российской администрацией, в полной мере можно считать самым наглядным проявлением геополитики России на Южном Кавказе.

Данным утверждением мы не стремимся поставить под сомнение тот факт, что армяно-григориане испокон веков проживали на территории Закавказья. Но столь массовое переселение армян в эти земли на рубеже 1820—1830-х годов из Персии и Османской империи кардинальным образом изменило территориальную структуру расселения представителей этого народа на вновь присоединенных к России землях. До этого времени армяно-григориане в закавказских феодальных государственно-территориальных образованиях расселялись дисперсно, нигде не составляя этнического большинства (даже в Эриванском ханстве), но после переселения 1830 года из Восточной Анатолии в отдельных местностях Южного Кавказа они начали селиться компактно, образуя этническое большинство. Примером тому может служить организованное русской кавказской администрацией заселение вышедшими из Османской империи армянами окрестностей Гумр (ныне Гюмри) и Лорийской долины¹³, ставших впоследствии ядром национальной государственности современной Армении.

Как мы видим, главным национально-религиозным инструментом реализации российской геополитики на Южном Кавказе стали не азербайджанцы-мусульмане и даже не грузины-христиане, не раз на поле боя доказывавшие с оружием в руках свою верность России и ее геополитическим интересам, а именно армяно-григориане, не имевшие перед ней никаких особенных заслуг, за исключением внешней схожести церковно-религиозной обрядовости и атрибутики. Почему это произошло — это не вопрос нашего исследования, и нам остается только констатировать факт наличия, а не рассматривать причины происхождения такого положения дел.

«Армянский вектор» на протяжении всего XIX и начала XX столетия определял приоритеты российской геополитики в регионе Южного Кавказа. Дополнительным доказательством этому может служить и не вполне удобное с военно-стратегической точки зрения, но вполне объяснимое с позиции военно-политической генеральное направление

¹² См.: Утверждение русского владычества на Кавказе... Т. 4 (ч. 2). С. 453—454.

¹³ См.: Там же.

движения русских войск в Закавказье во всех русско-турецких войнах того века. Русское военное командование главным направлением и одновременно конечным пунктом своего наступления вглубь турецкой Восточной Анатолии в четырех последних войнах с Османской империей (1828—1829, 1853—1856, 1877—1878, 1914—1918 гг.) считало именно Эрзерум, а не Трабзон или Синоп, овладение которыми существенно облегчало бы снабжение по морю русских войск, воюющих в Анатолии. Но ни в одной из этих войн овладение турецким побережьем Черного моря не ставилось в качестве стратегической задачи, что дает возможность сделать вывод: для России геополитическим приоритетом являлось отторжение от Османской империи ряда областей, весьма сомнительных в военно-стратегическом и экономическом отношении, но имеющих значительный процент армяно-григорианского населения. А это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что помимо «греческого проекта» в России на протяжении столетий существовал (?) и «армянский проект», хотя его наличие никто не афишировал.

Сегодня нет достаточных и достоверных документальных данных, чтобы напрямую отождествлять реализацию российского «армянского проекта» и провозглашение «Великой Армении», создание которой на территориях Османской империи, оккупированных Россией в ходе Первой мировой войны, предполагалось по условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 года и Севрского мирного договора от 10 августа 1920 года между странами Антанты и Османской империей. Но сам факт попытки передать турецкие территории, ранее оккупированные Россией, после ее одностороннего выхода из войны в соответствии с Брест-Литовским мирным договором от 3 марта 1918 года армянским националистам свидетельствует о том, что «армянский проект», ранее лоббируемый Россией и отчасти Францией, сохранил актуальность и после ее военно-политического поражения в Первой мировой войне. Крест на нем поставила только победа сторонников Гази Мустафы Кемалья-паши Ататюрка в ходе турецкой Войны за независимость 1919—1923 годов, составной частью которой являлся турецко-армянский вооруженный конфликт 1920 года. В результате этого конфликта был восстановлен государственный суверенитет будущей Турецкой Республики над оккупированными сначала российскими войсками, а затем армянскими вооруженными формированиями областями Восточной Анатолии.

Отголоски «армянского проекта» прослеживались во внешней политике России новейшего исторического периода, когда после распада СССР в условиях вооруженного конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 1990-х годах Российская Федерация изначально заняла активную проармянскую позицию. О субъективном влиянии ряда исторических личностей на выбор современной Россией подобного вектора своей внешней политики в регионе Центрального Кавказа мы здесь подробно говорить не будем, поскольку не в традициях историков оценивать ныне здравствующих людей, ограничимся лишь общим замечанием о существовании «армянского лобби» в кругах российского политического истеблишмента, влияние которого в последние годы стало угасать по причине физического старения его ключевых представителей, все более утрачивающих способность и возможность влиять на содержание российской геополитики в регионе Центрального Кавказа.

Новые геополитические приоритеты России в Закавказье

Сегодня Россия поэтапно осуществляет смену приоритетов своей геополитики в Закавказье, организуя ее на принципиально иных основах и в соответствии с реалиями ны-

нешнего дня: на смену прежнему идеологическому детерминизму, имевшему ярко выраженную национально-религиозную окраску, пришел прагматизм в вопросах международной экономики и внешней политики в регионе Центрального Кавказа. Вполне очевидно, что в одночасье изменить свой внешнеполитический курс на столь важном для себя направлении Россия объективно не в состоянии — слишком сильна двухвековая инерция, на преодоление которой нужны силы, время и политическая воля. Как раз наличие последней в наши дни проявляется наиболее рельефно, хотя политики абсолютно всех стран Центрального Кавказа, упоенные первым сколько-нибудь крупным юбилеем — 20-летием — своей национальной государственности предпочитают этого не замечать, оставаясь в привычной для себя системе геополитических координат.

На протяжении двух десятилетий после распада СССР Россия видела своим естественным союзником в Закавказье именно Армению, как наиболее стабильное и предсказуемое в военно-политическом отношении из новообразованных государств. В 1990-х годах на фоне консолидированного стремления Армении и армян к доминированию в регионе Центрального Кавказа, Грузия и Азербайджан со своими внутривнутриполитическими клановыми междоусобицами казались и даже некоторое время являлись территориями перманентной анархии. Сейчас обстановка в странах Центрального Кавказа принципиально изменилась, и Россия вынуждена искать себе новых партнеров для проведения своего курса не только в Закавказье, но и во всей Передней Азии, к которой данный регион относится географически. Армения экономически слаба, остается на протяжении всей новейшей истории своей национальной государственности страной-реципиентом, живущей за счет финансовой поддержки России и армянской диаспоры, а потому в перспективе не может быть стратегическим союзником России на Центральном и Южном Кавказе. Грузия и Азербайджан в силу политических или национально-религиозных причин, проявившихся в последние годы в серии недружественных по отношению к России внешнеполитических демаршей, объективно также не могут занять вакантное место российского геополитического партнера в Закавказье, поскольку для них это будет сопряжено с односторонним отказом от выполнения комплекса ранее принятых на себя обязательств по отношению к другим мировым центрам силы, чего они позволить себе в одночасье объективно не могут.

Поэтому для сохранения своего стратегического влияния на регион Центрального и отчасти Южного Кавказа в сложившихся условиях Россия вынуждена искать союзников за его пределами. В таком качестве она может рассматривать только две страны — Исламскую Республику Иран и Турецкую Республику, хотя первая на роль стратегического партнера в Передней Азии мало подходит в силу специфики и непредсказуемости своей внешней политики и ее зависимости от явно выраженного религиозного мессианства политико-религиозной элиты Ирана в исламском (особенно шиитском) мире. Следовательно, наиболее вероятным претендентом на роль геополитического партнера России в Передней Азии и в регионах Центрального и Южного Кавказа становится Турция, отношения с которой в последние годы бурно развиваются как на государственно-политическом, так и на экономическом и гуманитарном уровнях. Таким образом, мы можем уверенно констатировать тенденцию изменения геополитических приоритетов России в Закавказье и во всей Передней Азии, когда на смену не оправдавшим себя «греческому» и «армянскому» проектам приходит новый — «турецкий», с наличием которого всем странам Кавказа придется считаться уже сегодня.

Стратегический экономический союз России и Турции, который день ото дня обретает новые институциональные черты, неизбежно лишит суверенные кавказские государства стратегического политического влияния не только на мировой, но и на региональной арене, де-факто отнимая у них возможность получать напрямую любую техническую поддержку от иных мировых или региональных центров силы. Пассивная помощь властей Турецкой Республики России во время югоосетинского вооруженного конфликта в

августе 2008 года лишней раз продемонстрировала всему миру готовность ее истеблишмента уступить России геополитические приоритеты на Кавказе в обмен на сырьевые и прочие экономические преференции. Политико-экономическое партнерство России и Турции в последние годы начинает приобретать обоюдовыгодное идеологическое оформление в виде идеологии «евразийства», которая в обеих странах начинает активно культивироваться не только на политическом, но и на научно-академическом уровне, что уже в ближайшей перспективе неизбежно приведет к выработке обоюдно приемлемой идеологической концепции «славяно-тюркского евразийского единства», в которой не будет места для политически самостоятельных национально-государственных и этнорелигиозных интересов кавказских народов.

Из всех стран Центрально-Кавказского региона от смены вектора российской внешней политики в Закавказье в максимальном выигрыше в среднесрочной перспективе должен оказаться Азербайджан, но он почему-то не спешит воспользоваться открывающимися перед ним преимуществами. Более того, в последний год в Азербайджане стала набирать обороты недружественная России идеолого-пропагандистская риторика, связанная с муссированием идеи «двухсот лет геноцида азербайджанского народа», якобы осуществлявшегося в Российской империи. Наиболее ярко она проявляется в русскоязычных изданиях азербайджанской диаспоры в России (журнале «IRS-Наследие», газете «Азербайджанский конгресс», на страницах и в электронной версии которых присутствует рубрика «200 лет геноцида»). Вполне понятно, что острее этой идеолого-пропагандистской риторики направлено против Армении и ее идеи «геноцида армян» в годы Первой мировой войны. Но при этом официальный Баку, полномасштабно финансирующий эти издания и стоящие за ними азербайджанские диаспоральные структуры, почему-то забывает, что 2013 год станет годом 200-летия заключения Гюлистанского мирного договора между Россией и Персией, в результате которого только и стала возможной трансформация в нацию азербайджанского этноса, ранее испытывавшего угнетение со стороны персов. Как бы то ни было, но этот процесс мог происходить только в условиях толерантности российского государства по отношению ко всем населяющим его народам и их вероисповеданиям, без чего было бы невозможно и само существование азербайджанцев как государствообразующей нации (ведь не могут же они в современном Иране создать государственность Южного Азербайджана, хотя разговоры об этом ведутся на протяжении почти ста лет).

З а к л ю ч е н и е

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками глобальных трансформаций российской геополитики в отношении региона Центрального и отчасти Южного Кавказа, и в ближайшее десятилетие сможем воочию увидеть, придет ли «турецкий проект» на смену «армянскому» и «греческому». Констатация реального наличия геополитической идеи «евразийского славяно-тюркского единства», над реализацией которой сегодня совместно активно работают Россия и Турция, — первый вывод нашего исследования, посвященного эволюции содержания Российской геополитики в Закавказье. «Турецкий проект» сегодня является объективным императивом российской внешней политики, и реализация его будет существенно влиять на обстановку в странах Центрального Кавказа.

Независимые государства и самопровозглашенные государственные образования Центрального Кавказа в любом случае будут обязаны учитывать изменение контекста геополитики в Кавказско-Черноморском регионе. Страны Европейского союза и НАТО, в которых правящие политические элиты отдельных центральнокавказских стран видят своих естественных союзников, все больше утрачивают влияние на содержание этой

геополитики. Смещение центров силы кавказской региональной геополитики неизбежно лишит политические элиты Азербайджана, Армении и Грузии возможности балансировать на конфликтах интересов более сильных и ответственных политических игроков, поскольку часть из них объединится в достижении собственных корпоративных интересов, противоречащих корпоративным интересам политических элит стран Центрального Кавказа.

В любом случае в ближайшее десятилетие весь Кавказский регион ожидают серьезные трансформационные процессы, направленные на его дальнейшую интеграцию в мировую систему, которой сегодня препятствуют региональные конфликты. Мир вокруг Центрального Кавказа качественно изменился, и его политическим элитам решать, как им приспособливаться к произошедшим изменениям.
